

**РУССКИЕ АРХЕОЛОГИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ
1920-1940-х гг.**

Многие знают, что ряд русских археологов стал жертвой политических репрессий в годы коммунистического тоталитаризма. Но понять, когда, как, в каких масштабах, в каком контексте осуществлялись эти акции по сведениям, попавшим в печать, крайне трудно.

До XX съезда КПСС сообщения об этом изредка проникали только в зарубежную литературу. Не раз бывавший в СССР финский археолог А.М. Тальгрэн в 1936 г. привел неполный список репрессированных ученых (Tallgren А.М. 1936, р. 149), после чего его уже не пускали в страну. В 1954 г. ушедший с немецкими оккупантами на Запад профессор Ростовского пединститута М.А. Миллер попытался рассказать о терроре подробнее. Но основывался он поневоле только на слухах, из-за чего в его тексте немало ошибок и неточностей. Обо всех репрессированных – и о тех, кто был расстрелян, и о тех, кто томился в концлагерях, и о высланных в разные края – сказано одинаково: "Сослан в Сибирь". Так говорится и о брате автора – А.А. Миллере, умершем в Карагандинском концлагере (Миллер М.А., 1954, с. 80-84).

После доклада Н.С. Хрущева "о культе личности" 1956 г. стало возможным упоминать о жертвах тоталитаризма и на страницах советской печати. К сожалению, наши археологи не проявили особого желания вернуть доброе имя многим достойным людям и видным ученым, погибшим и пострадавшим в годы сталинской диктатуры.

Сейчас положение изменилось. О репрессированных ученых пишут достаточно часто. Но, поскольку большинство авторов основывается по-прежнему только на чьих-то рассказах, неточностей оказывается всюду очень много. Так, в учебном пособии "Историография археологии Сибири и Дальнего Востока" Е.А. Кавешникова (1992, с. 100) утверждает, что А.В. Адрианов "был расстрелян вместе со своим учителем Г.Н. Потаниным как член колчаковского сибирского правительства". В действительности Потанин умер своей смертью в возрасте 85 лет и был торжественно похоронен представителями советской власти, а Адрианов в правительство Колчака не входил.

Только в самое последнее время начали публиковать документы из архивов ЧК – ГПУ – НКВД – МВД – КГБ. В некоторых из этих публикаций, подготовленных историками, филологами, краеведами, упоминаются и археологи. Активно занялись восстановлением добрых имен наших предшественников украинские археологи, рассказавшие о судьбе Н.Е. Макаренко, М.Я. Рудинского, Ф.Н. Молчановского, П.И. Смоличева, К.Ю. Коршака и др. (я ни украинских, ни белорусских археологов ниже касаться не буду).

Уже в этих публикациях есть много фактов, заставляющих по-новому взглянуть на некоторые важные моменты в истории отечественной археологии. Не претендуя ни на то, чтобы составить исчерпывающий список репрессированных археологов, ни на то, чтобы осветить их судьбы после ареста, я хочу дать здесь лишь комментированный обзор материалов, появившихся в печати, с тем, чтобы наметить определенные вехи в жизни археологии советской эпохи.

Террор, начавшись вскоре после установления большевистской диктатуры, достаточно рано коснулся и археологов. Уже в ноябре 1918 г. был арестован председатель Псковского археологического общества, автор "Спутника по древнему Пскову" и "Археологической карты Псковской губернии" Николай Фомич Окулич-Казарин (1849–1923 г.). Он был отставным генералом и потому, вероятно, вызвал подозрение у чекистов. По ходатайствам из Петрограда его выпустили. Умер он в эмиграции (Седельников В.О., 1991, с. 459-462).

22 декабря 1919 г. в Томске был арестован и в начале 1920 г. расстрелян известный исследователь енисейских курганов и наскальных изображений Александр Васильевич Адрианов (1854–1920) (Крюков В.М., 1994, с. 30). Он был общественным деятелем, издателем оппозиционных к царскому правительству газет, сторонником сибирского областничества. После установления советской власти в Сибири занял по отношению к ней отрицательную позицию, за что и был уничтожен. То, что расстреляли известного в культурном мире Сибири человека, в возрасте 66 лет, показывало, что новая власть церемониться с интеллигенцией не собирается.

В первой половине 1920-х гг., между 1922 и 1924 гг. был арестован директор Краснодарского музея Иван Ефимович Гладкий, создавший в дореволюционные годы основной фонд археологических коллекций музея. О дальнейшей судьбе его ничего не известно. Видимо, он погиб вскоре после ареста¹.

Для 1925 г. есть сообщение об аресте директора Херсонесского музея Лаврентия Алексеевича Моисеева (1882–1946) (Жуков Ю.Н., 1993, с. 73). Кажется, он был выслан в Астрахань, но затем смог вернуться в Севастополь. Есть его публикации с конца 1920-х гг. до 1939 г.², но и от археологии он отошел, стал инженером-мелиоратором.

В 1925 г. в Соловецком концлагере оказался видный этнограф и фольклорист Николай Николаевич Виноградов (1876–1938). В ту пору декларировалась идея "перековки" заключенных и кое-кому из них предоставлялась возможность заниматься научной и литературной работой. В 1926, 1928 и 1929 гг. Виноградов опубликовал статьи об изучении соловецких лабиринтов и других памятников старины на архипелаге.

Работы были как-то согласованы с ГАИМК. Отбыв трехлетний срок заключения, Виноградов остался на Соловках вольнонаемным, а с 1932 г. работал в Карельском научно-исследовательском институте в Петрозаводске. Именно он, узнав о находках на Оленьем острове Онежского озера, съездил туда и опубликован в местной газете первое сообщение об этом ставшем позднее знаменитым мезолитическом могильнике. В 1937 г. в Петрозаводске вышел библиографический указатель "Фольклор Карелии", составленный Виноградовым. Казалось, что жизнь налаживается, но в том же 1937 г. Виноградов был арестован и расстрелян (Сизинцева Л.И., 1996, с. 393-397).

В 1927 г. был арестован заведующий Тверским музеем, в прошлом активный член Тверской ученой архивной комиссии Иван Александрович Виноградов (1866–1935). Он был приговорен к 5 годам ссылки в Сибирь, но по ходатайству акад. С.Ф. Платонова, был выслан в Новгород, где работал в музее. Умер в Ленинграде³.

Все перечисленные выше археологи были провинциалами. До 1930 г. в Москве и Ленинграде археологов, как будто, не репрессировали. Все это было лишь прелюдией к "Большому террору". В 1928 г. по "Шахтинскому делу" осудили 53 инженера. В 1930 г. последовали процессы Промпартии (к нему привлекли до 2000 человек), Трудовой крестьянской партии, Союза ЦК меньшевиков, Союза вызволения Украины и т.д. (Куманев В.А., 1991).

Именно в эти годы пострадало большинство археологов. Началось с так называемого Академического дела. Первым осенью 1929 г. был арестован архивист А.И. Андреев. В течение 1930 г. число арестованных достигло 100, а к концу следствия – 150 человек. Среди них были академики С.Ф. Платонов, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский, Е.В. Тарле, десятки других видных историков, филологов, архивистов, краеведов. Целью этой акции было усмирение фрондировавшей по отношению к новой власти Академии Наук, запугивание интеллигенции, приведение ее в рабскую покорность.

ГПУ сфабриковало дело о заговоре с целью свержения советской власти, о никогда не существовавшем "Всенародном союзе борьбы за возрождение свободной России".

¹ Сообщено сотрудником Краснодарского музея Е.А. Хачатуровой.

² Здесь и далее не даю ссылки на публикации. См. (Советская археологическая литература, 1965).

³ Сообщено С.О. Шмидтом.

Арестованные были разбиты на ряд групп. Основная – была осуждена 10 февраля 1931 г.; 29 человек приговорили к расстрелу, 53 к заключению на срок от 3 до 10 лет.

К этому-то процессу и был привлечен ряд видных археологов. Это историки, занимавшейся археологией, члены-корреспонденты Академии Наук московские профессора Юрий Владимирович Готье (1873–1943) и Сергей Константинович Богоявленский (1873–1947) историк и археолог из Симферополя Арсений Иванович Маркевич (1855–1942), сотрудники Академии Наук этнограф и археолог Сергей Иванович Руденко (1885–1969) и археолог и искусствовед Григорий Иосифович Боровка (1894–1941), симферопольский краевед Павел Петрович Бабенчиков (1882–1947), нумизмат Александр Александрович Сиверс (1866–1954) (Академическое дело, ... 1993).

Судьба их сложилась по-разному. Готье был выслан в Самару, занимался там краеведением, написал заметку об археологических памятниках р. Сок, переводил "Путешествие на Луну" Сирано де Бержерака. В 1934 г. он вернулся в Москву, стал профессором Института философии, литературы и истории, сотрудником Института истории АН СССР, был избран действительным членом Академии. Археологией больше не занимался (Асафова Н.М., 1941, с. 18, 19).

Богоявленский был в ссылке в Новосибирске. В списке его печатных работ прерыв с 1930 г. до 1937 г. (Список научных трудов... 1974, с. 203). С конца 1930-х гг. работал в Институте истории АН СССР, но оставался на подозрении как чуждый марксизму специалист (Нечкина М.В., 1993, с. 203). От археологии отошел. В 1947 г. изданы лишь материалы к составлявшейся им с дореволюционных лет археологической карте Московской обл.

А.И. Маркевич за последние 10 лет жизни не напечатал ни строчки, только пополнял свою картотеку работ по истории Крыма (К 100-летию..., 1955, с. 175).

В 1931–1934 гг. заключенный Руденко работал на Беломорканале как инженер-гидролог. После окончания срока он решил не рисковать и остался вольнонаемным. Его уже вновь вызывали на допросы по делу "Российской национальной партии", к которому привлекли его коллег из Русского Музея. Обстановка в центральном археологическом учреждении страны – ГАИМК – тоже была ему ясна. Лучше было переждать. Вернулся в Ленинград Руденко лишь в 1942 г., а археологией занялся уже в 1945 г. Полтора десятилетия были вычеркнуты из жизни крупнейшего ученого (Массон В.М., 1965, с. 237–241).

Трагично сложилась судьба совсем молодого Боровки. Он жил в Ухте, работал геологом, был вторично арестован и расстрелян в 1941 г. (Зуев В.Ю., 1995, с. 152, 153).

Бабенчиков в 1933–1935 гг. был в концлагере на Печоре, потом служил в Крыму учителем, участвовал в раскопках Эски-Кермена (Анциферов Н.П., 1992, с. 461). После ссылки в Туруханский край и жизни в Можайске Сиверс заведовал отделом нумизматики Государственного исторического музея.

В опубликованных протоколах допросов С.Ф. Платонова мы найдем и другие знакомые имена. Спрашивали о закрытом Петроградском археологическом институте и в этой связи об А.А. Спицыне и А.А. Миллере, о ГАИМК и о служивших там "евразийцах" С.А. Жебелеве и М.А. Тихановой (Академическое дело..., 1993, с. 35, 38, 178, 182).

Особенно интересны два момента: Платонов сообщил следствию, что, узнав от А.А. Спицына об открытиях Н.И. Репникова в Эски-кермене в 1928 г., рассказал об этом бывшему профессору Петербургского университета Брауну, перебравшемуся после революции в Лейпциг. Федор Александрович Браун (1862–1942) родился в Петербурге, окончил там университет и после защиты магистерской диссертации "Разыскания в области готто-славянских отношений" (1899) стал профессором. Браун информировал об успехах советских археологов их немецких коллег, и они подняли вопрос о совместных работах археологов СССР и Германии в Крыму для решения готской проблемы. Делегация немецких ученых съездила в Крым. В качестве переводчика их сопровождал симферопольский профессор Н.Л. Эрнст. Платонов говорил,

что хотел вести эти работы по линии Академии Наук, избегая чуждого ему учреждения ГАИМК (Академическое дело..., 1993, с. 64, 65, 72, 73).

Отсюда становится ясным, почему вдруг в 1930-х гг. в ГАИМК организовали готскую группу во главе с В.И. Равдоникасом, только что принятым на службу в ГАИМК и никогда Крымом не занимавшимся. В ГАИМК нашли средства на раскопки Эскикермена в течение семи сезонов. В 1932 г. выпущен "Готский сборник" (ИГАИМК, т. XII, вып. 1-8), где помещена программная статья Равдоникаса. Он утверждал, что готы вовсе не пришли в Крым из Прибалтики, а возникли на месте путем стадиальных трансформаций. Эта нелепая идея была порождена не только "новым учением о языке" Н.Я. Марра, но и заданием выше: доказать, что никакого германского населения в Крыму никогда не было. Идея оказалась живучей. Отголоски ее звучали даже в 1952 г. на Крымской сессии АН СССР, когда Равдоникас был уже отовсюду уволен как космополит и маррист. Что касается Н.Л. Эрнста, то его арест через 8 лет был уже предрешен показаниями Платонова.

Мне кажется, что с тех пор крымская археология навсегда осталась под пристальным надзором чекистов. Крым был местом отдыха советской верхушки. Число репрессированных крымских археологов очень велико. Отставным чекистом был внедренный в Отдел археологии Крымского филиала АН СССР в 1940-х гг. П.Н. Надинский, С.Н. Бибилов, ревизуя мои раскопки в Староселье в 1953 г., писал, что всегда все археологи, приехавшие на раскопки в Крым, наносили свой первый визит в местное отделение МВД, а я 2 года злостно от этого уклонялся.

Второй интересный момент: 18, 23 и 24 ноября 1930 г. Платонова спрашивали о военных группах подпольной организации, и он показал, что С.В. Бахрушин предлагал поставить в Москве во главе такой группы В.А. Городцова. Он и бывший военный, и недовольный, поскольку его "много обижали" по службе. А главное: "вокруг него группируется много молодежи, с которой он занимался по археологии и производит раскопки" (Академическое дело..., 1993, с. 249, 253, 255). Это значит, что под ударом оказался не один Городцов, а весь круг его учеников по МГУ. Никто из них не был арестован. Почему? Думается потому, что "Академическое дело" инспирировал и по заданию ЦК ВКПб курировал М.Н. Покровский. А в возглавляемом им Обществе историков-марксистов активно сотрудничал А.В. Арциховский. Его доклад в этом обществе "Новые методы в археологии" делался как совместный с А.Я. Брюсовым и С.В. Киселевым. Все они были участниками семинара по марксизму В.М. Фриче. Археологическая молодежь воспринималась Покровским как близкая ему, тогда как молодые историки из РАНИОН Л.В. Черепнин, И.И. Полосин, Н.М. Дружинин, С.А. Никитин были репрессированы. Сам Городцов потерял службу и в РАНИОН, и в Московском университете, и в Историческом музее.

Ученые, осужденные по "Академическому делу", подверглись ожесточенной травле в печати. Показательна статья некоего И. Куршанака в журнале "Историк-марксист" "Как разрабатывают буржуазные историки идеологию диверсии" – отклик на книгу Ю.В. Готье "Железный век в Восточной Европе". Утверждается, что это "образчик того, как создается буржуазной профессурой идеология контрреволюции против СССР. Вместе с тем концепция проф. Готье представляет собою "опыт" примирения сменеховского "евразийства" с авгуровской позицией" (Авгур – автор брошюры "СССР – угроза цивилизации", 1927. – А.Ф.) "Вокруг великодержавнического стержня напутано такое, чего никак нельзя иначе расценивать, как поблажкой (стиль автора. – А.Ф.) местным националистами (например, ... идеализация Волжской Болгарии) ... в угоду и на предмет драки чувашских и татарских националистов ... Сменеховская буржуазная интеллигенция идет по вехам ... "Промпартии" ets до Парижа... Готье отразил ... сдвиги ... к прямой контрреволюции под руководством Парижа» (Куршанак И., 1931, с. 115-118). И это рецензия на археологическую книгу!

В брошюре С.А. Пионтовского "Буржуазная историческая наука в России" (1931, с. 97, 98) в том же духе говорилось о Готье, С.А. Жебелеве и А.И. Маркевиче. Из археологов кинул камень в Готье и В.И. Равдоникас (1930, с. 82-84).

Ленинградское отделение Коммунистической Академии и Общество историков-марксистов выпустили в 1931 г. сборник "Классовый враг на историческом фронте", посвященный Платонову. Тут выступил С.А. Семенов-Зусер, клеймивший в основном Жебелева, называя его "жуликом" и "плагиатором" (Классовый враг..., 1931, с. 167–170). Через 11 лет в своей докторской диссертации "Скифская проблема в отечественной науке" Семенов-Зусер именовал Жебелева крупнейшим историком-марксистом, но о расстрелянном Боровке говорил как о "бывшем сотруднике Эрмитажа", проповедовавшем расистские взгляды (Семенов-Зусер С.А., 1947, с. 113).

Руденко была посвящена целая статья в "Сообщениях ГАИМК". Ее написал аспирант А.Н. Бернштам.

От "Академического дела" отпочковался еще ряд дел. Чекисты хотели раскрыть целую сеть вредительских групп, разбросанных заговорщиками из Москвы и Ленинграда по всей стране. Платонова спрашивали об историках Саратовского университета П.Г. Любомирове, С.Н. Чернове, П.Г. Васенко. Все они так или иначе пострадали. О саратовских археологах речи не было, но показательно, что следователь, ведший "Академическое дело", Александр (Альберт) Робертович Стромин (1902–1938) позднее был перемещен в Саратов, и именно он в 1937 г. вел дела П.С.Рыкова и Н.К. Арзютова.

10 сентября 1930 г. Платонов назвал своего ученика Сергея Николаевича Введенского (1867 – после 1930), доцента Воронежского университета, историка и краеведа. Есть у него и статья археологического плана "Кудеярова поклажа" – о кладоискательстве на Руси в XVII в. Был дан сигнал, и уже 5 ноября 1930 г. Введенского арестовали. Затем последовали и аресты других, связанных с ним краеведов, не только воронежских, но и из Курска, Орла, Липецка, Тамбова, Ельца, Задонска и т.д., всего 92 человека. Было сфабриковано дело о монархической организации. Пятерых приговорили к расстрелу, остальных – к 3–10 годам лагерей. Среди осужденных: нумизмат Тихон Абрамович Горохов (1872 – после 1949 г.) – автор статьи "Монетные клады Курской губернии", сотрудник Курского музея; Петр Сергеевич Ткачевский (1880 – после 1950 г.) – краевед из Орла, исследовавший в 1926 г. курганы близ этого города; Петр Николаевич Черменский (1884–1973) – уроженец Лебедяни, много писавший о ее старине и прошлом Тамбовщины, ученик А.А. Спицына.

Введенский, видимо, погиб. Горохова, Ткачевского и Черменского я застал в 1948 г. в Курске. Черменский преподавал археологию в пединституте. Горохов и Ткачевский краеведением официально не занимались, но собирали древности и интересовались ими. Отношения между ними были добрые, хотя материалы следствия показывают, что держались они по-разному: Черменский всех выгораживал и был приговорен к 10 годам лагерей, Горохов же всех оговаривал и осужден на 3 года. Ткачевский был выслан на 3 года в Северный край.

В 1956 г. оставшиеся в живых краеведы ходатайствовали о реабилитации. Им отказали. В 1962 г. ходатайство было повторено. Опять последовал отказ. Только в 1978 г. приговор был отменен. Дожили до этого двое из 92 краеведов (Акиншин А.Н., 1992, с. 208–235).

Такие же процессы над краеведами, как в Центрально-Черноземной области, проходили в начале 1930-х гг. по всей стране. К сожалению, полной картины у нас нет.

Больше всего мы знаем о судьбе Василия Ивановича Смирнова (1881–1941) – автора нескольких десятков статей по археологии и этнографии Костромской и Архангельской обл., учителя П.Н. Третьякова. В 1929 г. Смирнов был снят с поста директора Костромского музея и вынужден был уехать в Иваново. Проработав там в музее несколько месяцев рядовым сотрудником, он успел открыть важное неолитическое поселение Сахтыш. В 1930 г. был арестован и после пребывания в тюрьме в 1931 г. выслан в Архангельскую обл. Работу по специальности смог найти не сразу, был грузчиком, фотографом, пока его не приняли в Северный геолого-разведочный трест, где он и трудился, весьма плодотворно, до конца дней (Китицина Л.С., Третья-

ков П.Н., 1968, с. 239-242; Бочков В.Н., 1974; с. 42-61; Сизицева Л.И., 1992, с. 263-276; 1994, с. 114-137).

Тяжелее была участь Леонида Николаевича Казаринова (1871–1940) – создателя и директора Чухломского музея. От открыл такие поселения, как Федоровская стоянка (исследованная А.Я. Брюсовым, М.Е. Фосс, И.В. Гавриловой), стоянка на р. Юг (изучавшаяся А.В. Збруевой) и др. Опубликовал ряд работ и книжку "Прошлое Чухломского края". В 1930 г. был арестован. Чухлома – город, лежащий в стороне от дорог, в страшной глуши. Здесь на городском кладбище можно увидеть могилы сосланных сюда видных иерархов русской церкви. Куда же сослать дальше? Местом ссылки для Казаринова назначили дер. Клепиково Северного края. Ему было уже 60 лет, он очень бедствовал и, когда в 1933 г. смог вернуться в Чухлому, был полным инвалидом. Ему отняли ногу, и он уже не выходил из дома, хотя что-то писал (Бочков В.Н. 1974, с. 62-72).

Репрессирован был и брат В.И. Смирнова Михаил Иванович (1869–1949) – директор Переяславльского музея, опубликовавший в 1919–1929 гг. десяток историко-краеведческих и археологических статей. В 1931–1933 гг. был в ссылке. В Переяславль уже не вернулся (Филимонов С.Б., 1990, с. 74-81).

О судьбе других краеведов мы знаем еще меньше. Среди арестованных в начале 1930-х гг. Степан Дмитриевич Яхонтов (1853–1942) – активный сотрудник Рязанской ученой архивной комиссии и Рязанского краеведческого общества, занимавшийся и археологией (Мельник А.Н., 1994, с. 214-221). По данным сотрудника Брянского музея Г.Н. Полякова, был выслан в Казахстан, где и умер, директор Брянского музея в 1918–1924 гг. Сергей Сергеевич Деев, открывший Супоневскую палеолитическую стоянку и опубликовавший в 1926–1929 гг. ряд статей по археологии.

В начале 1933 г. были репрессированы сотрудники музея Новгорода Великого Николай Григорьевич Порфиридов (1893–1980), Сергей Михайлович Смирнов (1892–1992) и Василий Сергеевич Пономарев (род. в 1907 г.) (Гайдуков П.Г., 1994, с. 50).

По данным М.А. Миллера (1954, с. 83), был выслан из Крыма преподаватель Симферопольского пединститута Осман Асан Оглу Акчокраклы (1879–1938). Известны его археологические публикации 1926, 1928 и 1929 гг. Позднее был расстрелян (Урсу Д.П., 1995, с. 5).

По данным того же М.А. Миллера (1954, с. 83), был репрессирован директор Краснодарского музея Антон Фаддеевич Лешенко – исследователь кубанских дольменов. Его публикации датируются 1925, 1927, 1929 и 1931 гг. Позднейших нет.

В числе сосланных Миллер (1954, с. 83) называет Петра Николаевича Шишкина – до революции активного члена Саратовской ученой архивной комиссии, писавшего о золотоордынских городах. В конце 1930-х гг. он, по словам Миллера, вернулся на родину, и вскоре умер, но по словам В.Г. Миронова, Шишкин работал в Сталинградском музее и погиб при эвакуации коллекций в 1942 г.

Директор Смоленского музея Андрей Федорович Палашенков (1886–1971) был выслан в 1934 г. в Караганду. С 1936 г. работал в Омском музее. С лета 1938 г. до начала 1939 г. вновь был под арестом (Жук А.В., 1995, с. 69, 70).

В справочниках археологической литературы не найдем мы после грани 1920–1930-х гг. имена и ряда других краеведов. Таковы Николай Иванович Власьев (род. в 1887 г., Можайский музей, публикации 1928 г.), Наталья Ивановна Спрыгина (1880–1953, Пенза, публикации 1920-х гг.), Николай Михайлович Егоров (1876–1963, Пятигорск, публикации до 1933 г. и после 1951 гг.), А.И. Разин (Владивосток, публикации 1925–1927 гг.). Иркутский краевед Павел Павлович Хороших (1890–1977) был очень плодовитым автором. Но в списке его публикаций разрывы с 1929 до 1937 г. и с 1941 г. до 1947 г.⁴

Не могу утверждать, что все эти люди были репрессированы. Кто-то мог остаться на воле, предпочитая о себе не напоминать. И все же судьба даже тех краеведов, кто

⁴ Некоторые данные о краеведах почерпнуты из справочника (Наука..., 1928).

не был тогда арестован, оказалась трагичной. В 1930 г. добровольно ушел из жизни археолог из Энгельса (Покровска) Павел Давидович Рау (1897–1930), сделавший за каких-нибудь 5 лет работы удивительно много для понимания эпохи бронзы и сарматского времени в Поволжье. Мы знаем, что предшествовало самоубийству. Сначала был арестован директор музея в г. Энгельсе Г.Г. Дингес. Рау беспрерывно вызывали на допросы в ГПУ. Затем он узнал о раскулачивании и высылке своих близких, об обыске в своем доме. Выхода не было. (Миллер М.А., 1954, с. 82; Малышев А.А., Семенова И.В., 1991, с. 145-147).

Показателен рассказ искусствоведа М.А. Ильина о дорогобужском краеведе Николае Ивановиче Савине (1890–1944). Он создал музей в родном городе, копал курганы в Дорогобужском и Ельнинском уездах Смоленской губ. в 1929 г., о чем напечатал две заметки, был связан с А.Н. Лявданским, занимался усадебной архитектурой, декабристами, крестьянским движением на Смоленщине. Ильин, изучавший местную ампирическую архитектуру, приезжал к нему в 1920-х гг. Вновь посетив Дорогобуж в 1932 г., он застал Савина в состоянии глубокой депрессии. Из музея его уволили, коллекции выкинули. Савин говорил московскому гостю: "Поймите, во мне убито все, вера, любовь, все, чему я отдал свою жизнь, все свои стремления. Я ничего не смогу теперь сделать" (Ильин М.А., 1970, с. 58, 59). Больше Савин ничего не опубликовал. О конце его – ниже. Ныне музея в Дорогобуже нет.

Краеведческое движение в СССР на грани 1920–1930-х гг. было разгромлено. Все краеведческие общества в 1933 г. были закрыты, а их издания уничтожались. Из музеев выкидывали "бывших людей" и даже коллекции как "ненужный хлам". Масштабы этой трагедии еще предстоит осознать.

Многочисленны газетные и журнальные статьи, клеймящие краеведов-вредителей. Укажу лишь на брошюру "Против вредительства в краеведческой литературе" (Иваново-Вознесенск, 1931), где больше всего говорилось о В.И. и М.И. Смирновых.

В связи с "Академическим делом" стояли и репрессии по отношению к ряду московских ученых в 1930-1932 гг. Чекисты придумали, что существовал особый "Московский центр" раскрытого ими "Союза".

В 1930 г. был арестован профессор кафедры антропологии МГУ, специалист по первобытной археологии Борис Сергеевич Жуков (1892–1933). Он умер в концлагере на Алтае (Бадер О.Н., 1968, с. 235). Видимо, одновременно арестовали и другого профессора той же кафедры Бориса Алексеевича Куфтина (1892–1953), занимавшегося в ту пору и этнографией, и археологией. До 1933 г. он жил в ссылке в Вологде, потом перебрался в Тбилиси, где стал работать в Музее Грузии и на протяжении 20 лет сделал необычайно много для кавказской археологии (Джапаридзе О.М., 1993, с. 247).

Арестован был и профессор МГУ и сотрудник РАНИОН археолог-антиковед Алексей Степанович Башкиров (1885–1963). С 1931 по 1945 гг. он не опубликовал ничего. После войны преподавал в Ярославле и Костроме и только в 1950 г. вернулся в Москву. Известна хлесткая полемическая статья "Олень с тоской во взоре и меланхолическая свинья" в "Сообщениях ГАИМК", направленная против книги Башкирова об искусстве Дагестана. Она кончается словами о вредной деятельности как Башкирова, так и РАНИОНА в целом, где неправильно понимают марксизм (Тревер К.В., 1932, с. 22-37). Рецензия, подписанная К.В. Тревер (а, по утверждению старых сотрудников ГАИМК, принадлежавшая перу И.А. Орбели), увидела свет, когда Башкиров был уже репрессирован.

Начавший научную деятельность еще до революции профессор Илья Николаевич Бороздин (1883–1959) был арестован, видимо, в 1931 г. В списке его публикаций разрыв между 1931 и 1933 гг. В 1933–1934 гг. он печатался в Ашхабаде, где, скорее всего, отбывал ссылку (Илья Николаевич Бороздин, 1959). Позднее он, должно быть, на короткий срок вернулся в Москву, поскольку в 1934 г. был на учредительном съезде Союза советских писателей и до 1935 г. преподавал в Институте журналистики (Москаленко А.Н., 1960, с. 313; 1963, с. 196). С 1935 г. публикаций Бороздина опять

нет до 1943 г., когда он вновь оказался в Ашхабаде. Только в 1949 г. он перебрался в Воронеж, где до конца дней был профессором университета.

Мало знаем мы о судьбе Алексея Алексеевича Захарова (род. в 1884 г.). Он был болезненным человеком, на раскопки не ездил. Проявил себя как популяризатор ("Эгейский мир", 1918; "Эгейский мир в свете новейших открытий", 1924), как профессор МГУ и как сотрудник Исторического музея, описавший ряд его коллекций, сибирских, кавказских и античных. По данным М.А. Миллера (1954, с. 82-84), он был выслан в Алма-Ату полупарализованным, прикованным к креслу. Но и там он продолжал работать. Есть его публикация 1934–1935 гг. Дальнейших сведений нет.

На 1932 г. падает арест еще одного профессора – антиковеда – Константина Эдуардовича Гриневича (1891–1971). К работе он вернулся в 1939 г. в Томском университете. В 1948 г. был оттуда уволен как человек, чуждый советской науке. Перебрался в Нальчик, оттуда – в Нежин, а в 1956 г. – в Харьков, где преподавал в университете до конца дней (Матюшенко В.И., 1994, с. 25, 26).

Все шесть московских профессоров, арестованных в 1930–1932 гг., были не только лояльны по отношению к советской власти, но и активно сотрудничали с нею. Объединяет их то, что все они в разные годы бывали за рубежом, общались с иностранцами.

Следующий удар по нашей науке был нанесен в 1933–1934 гг. Это так называемое "Дело славистов" или "Дело Русского музея". По этому процессу были арестованы академики-филологи М.Н. Сперанский и В.Н. Перетц, оба в известной мере связанные с археологией, видные языковеды Н.Н. Дурново, В.В. Виноградов, А.М. Селищев, В.Н. Сидоров и др. Им инкриминировали создание "Российской национальной партии". Об этом деле писали недавно филологи Ф.Д. Ашнин и В.М. Алпатов (1994).

Если в Москве репрессированы были в основном представители филологического мира, то в Ленинграде разгрому подвергся Русский музей, где тогда были не только художественные, но и этнографические собрания, включавшие археологию. Горькая участь постигла сотрудников музея – исследователя крымского палеолита Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского (1890–1943), выдающегося археолога исследователя древностей Подонья и Кавказа Александра Александровича Миллера (1875–1935), создателя классификации древностей Минусинской котловины, сохранившей значение до сих пор, Сергея Александровича Теплоухова (1888–1934) и его ученика Михаила Петровича Грязнова (1902–1984). Аресты начались 4 сентября 1933 г. и продолжались до 22 апреля 1934 г. В Москве было арестовано 34 человека, в Ленинграде – 37. Приговоры были вынесены 29 марта и 2 апреля 1934 г.

Бонч-Осмоловский, арестованный 29 октября 1933 г., был приговорен к 5 годам лагерей. Отбывал этот срок в 1934–1936 гг. в Ухтпечлаге (Воркута), работал геологом, освобожден по зачетам, вернулся в Ленинград, но долго не мог получить там ни прописки, ни работы. Только к 1940 г. положение его нормализовалось. Он добился реабилитации, стал сотрудником ИИМК и профессором ЛГУ, защитил докторскую диссертацию. Но силы его были подорваны. Он умер в возрасте 53 лет (Анциферов Н.П., 1992, с. 464).

Еще трагичнее сложилась судьба Миллера и Теплоухова. Миллер был арестован 9 сентября 1933 г., осужден на 5 лет лагерей и умер 12 января 1935 г. в Карлаге. Теплоухов повесился в тюрьме во время следствия между 10 и 15 марта 1934 г. (Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., 1994, с. 130, 204, 206).

М.П. Грязнов был арестован 29 ноября 1933 г. На следствии виновным себя не признал. Приговорен к 3 годам ссылки в Вятку (Киров), где работал в местном музее. В 1937 г. вернулся в Ленинград и был принят на работу в Эрмитаж (Зайцев Н.А., 1992, с. 9, 10).

С тем же делом связана высылка сначала в Акмолинск, а потом в Ташкент известного византиноведа-искусствоведа действительного члена ГАИМК и Украинской Академии Наук Федора Ивановича Шмидта (1877–1937), участвовавшего в раскопках Эски-Кермена. Некоторое время он работал в Ташкентском музее, потом его

уволители, и он вынужден был служить почтальоном. В конце 1937 г. его арестовали и 3 декабря расстреляли по решению тройки (Чистотинова С.Л., 1994, с. 99-107).

В 1933 г. были репрессированы и два нумизмата из Эрмитажа – заведующий отделом восточных монет, выпускник Лейпцигского университета Роман Романович Фасмер (1888–1938) и специалист по русской нумизматике Иван Георгиевич Спасский (1904–1990). Фасмер, приговоренный к 10 годам лагерей, окончил свои дни в Ташкенте (Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., 1994, с. 138, 206). Спасский пробыл в концлагере полный срок – 5 лет, потом работал в провинции не по специальности, участвовал в Отечественной войне и только в 1946 г. вернулся в Ленинград в Эрмитаж (Янин В.Л., 1965, с. 6).

Среди репрессированных по делу Российской национальной партии были также этнограф и автор ряда археологических статей Наталья Ивановна Лебедева (1894–1978), проведшая 3 года в ссылке в Сибири, а также занимавшийся археологией (автор книги "Что говорят забытые могилы") краевед Иван Спиридонович Абрамов (1874 – после 1956). В 1929 г. его уже высылали из Ленинграда в Сольвычегодск как подписчика журнала "Краеведение". С 1934 до 1936 г. он жил в ссылке в Тюмени. Следствие проявляло интерес и к другим лицам, не допрашивавшимся, но поставленным под надзор. В числе их была Н.Н. Погребова, тогда экскурсовод, а в будущем археолог-скифолог (Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., 1994, с. 78, 198, 202).

Если академическое дело вызвало ряд откликов в печати, то о жертвах дела "славистов" писали мало. Все же П.И. Борисковский не преминул в 1935 г. обозвать Бонч-Осмоловского "представителем буржуазной палеоэтнологии под маркой советского ученого" (Борисковский П.И., 1935, с. 13).

Из предшествовавшего изложения может сложиться впечатление, что репрессии как-то обошли центральное археологическое учреждение страны – ГАИМК. Это не так. Арестованные по академическому делу Руденко, Боровка, Готье и пострадавшие по делу славистов Миллер, Теплоухов, Бонч-Осмоловский, Шмит, Грязнов, Фасмер были по совместительству и сотрудниками ГАИМК. Репрессированы были и сотрудники академии – искусствовед Елена Викторовна Ернштедт (1889–1942) и Мстислав Владимирович Фармаковский (1873–1946), много сделавший для организации Института археологической технологии ГАИМК. Фармаковский жил в 1930–1934 гг. в ссылке в Ярославле. Вернувшись в Ленинград, работал в Русском музее, от археологии отошел (Иессен А.А., 1947, с. 306-309). Ернштедт провела в заключении 5 лет, наукой больше не занималась (Анциферов Н.П., 1992, с. 476).

Но дело не только в этом. Уже в 1923 г. первый советский министр юстиции эсер И.Э. Штейнберг и наблюдавший за событиями со стороны П.Н. Милюков достаточно точно определили, что такое террор. Это не только расстрелы, тюрьмы, концлагери, но и другие принудительные методы воздействия на людей (Милюков П.Н., 1991, с. 462-471).

В 1920-х гг. проводились периодические "чистки" учреждений от "классово-чуждых элементов", весьма болезненно затронувшие научно-просветительные учреждения. При чистке Академии Наук СССР в 1929 г. из 869 штатных сотрудников было уволено 126, из 839 нештатных – 520, т.е. более трети состава (Академическое дело..., 1993, с. XXVI). При чистке ГАИМК в 1929 г. уволили более половины сотрудников – 60 человек (Кузина Г.А., 1991 г., с. 141, 142). На I Всероссийском музейном съезде 1930 г. декларировалось: "Наши музеи были не только складочным местом для хлама предметов, но музеи были и складочным местом... и для хлама людского... В музеях укрывали этот хлам" (Труды..., 1931, с. 21).

Были выкинуты на улицу сотни специалистов. Уволенные становились "лишенцами", т.е. были лишены не только гражданских прав, но и продовольственных карточек и могли покупать продукты лишь на базаре, за дорогую цену, тогда как найти новое место работы было для них практически невозможно. Лишенцы обрекались на вымирание. От тех, кого все же оставили на работе, требовали "полной перестройки своего научного мировоззрения". Эти слова взяты мной из некролога ученого старой

школы А.В. Шмидта, написанного юным проработчиком Е.Ю. Кричевским (1935, с. 125). Они объясняют многое, удивляющее нас сегодня, в публикациях А.А. Миллера, Ф.И. Шмита, В.В. Гольмстен, П.П. Ефименко 1930-х гг.

Следствия этих мероприятий были разные. Кое-кто из археологии просто ушел. В первом наборе аспирантов ГАИМК вместе с С.Н. Замятиным, М.И. Артамоновым, Н.Н. Ворониным был Лев Альфонсович Динцес (1895–1948), о котором они всегда вспоминали как об очень ярком, одаренном человеке. В 1929 г. Динцес опубликовал статьи "Прочерченный орнамент трипольской культуры" и "Неолитическая стоянка в Токсове". Перемены в ГАИМК заставили его переквалифицироваться. Он стал писать о карикатуристах "Искры" и "Гудка", о художниках Перове и Серове, о героях Гоголя в изобразительном искусстве. Умер он в возрасте 53 лет, оставив всего 18 публикаций (Бломквист Е. и др., 1949, с. 203–208).

Аспирант закрытого в 1929 г. РАНИОН, работавший и в Историческом музее Петр Борисович Юргенсон (1903–1971) успел опубликовать в 1926–1929 гг. шесть статей о византийских древностях, в том числе и за рубежом. После 1930 г. переквалифицировался в биолога-охотоведа (Русаков Я.С., Насимович А.А., 1972, с. 150, 151).

То же наблюдалось и в провинции. Ученик Городцова Владимир Геннадиевич Карцов (1904–1977) успешно занимался археологией Енисея, писал об этом в работах 1928, 1929, 1932 гг. В дальнейшем от археологии отошел, опубликовал книги о декабристе Г.С. Батенкове, о методике преподавания истории СССР в начальной школе. В конце жизни был профессором Калининского университета. Жена его, тоже ученица Городцова, С.В. Романовская была репрессирована.

Идеологический пресс давил не только на научно-исследовательские учреждения. В еще большей мере он лег на ВУЗы. Не доверяя старой профессуре и не имея большого числа своих надежных людей, новая власть уже в 1920-х гг. предпочла просто закрыть гуманитарные факультеты в провинциальных университетах. Тогда вынуждены были покинуть Пермь – А.В. Шмидт, Самару – В.В. Гольмстен, Смоленск – А.Н. Лявданский. В Иркутском университете с 1918 г. преподавал выдающийся археолог Бернгард Эдуардович Петри (1884–1937), начавший раскопки в Прибайкалье еще в 1912 г., учитель – Г.Ф. Дебеца, Г.П. Сосновского, М.М. Герасимова, А.П. Окладникова. В 1926 г. факультет общественных наук ИркутГУ был закрыт, и до своей гибели десять лет Петри в сущности мыкался без работы. После ряда ценных публикаций 1921–1926 гг. он смог выпустить только одну научно-популярную книжку в 1928 г. и замолчал уже навсегда. Н.Д. Архипов опубликовал в отрывках письмо Петри руководителю ГАИМК Ф.В. Кипарисову. Даже из этих отрывков видно, чем обернулись для Петри преобразования: собранные им коллекции выкинуты, рукописи утрачены (Архипов Н.Д., 1986, с. 276).

Другой пример. Виктор Федорович Смолин (1890–1932) окончил Казанский университет до революции, был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию, занимался в Лейпциге, в 1920-х гг. профессор Каз.ГУ, открыл абашевскую культуру, интересно писал о скифах, древностях Волжской Болгарии. После закрытия факультета общественных наук с трудом устроился в Херсонесский, а потом в Пятигорский музей. С 3 февраля по 18 марта 1931 г. в Крыму сидел в тюрьме по обвинению в контрреволюционной деятельности, был выпущен⁵. Последние его статьи называются "Опыт автобиографии колхоза", "Краеведы Пятигорска на службе социалистического строительства". Умер Смолин в возрасте 42 лет (Лунин Б.В., 1933, с. 69,70).

Но возьмем биографию более или менее благополучную. Алексей Викторович Шмидт (1894–1935) блестяще окончил Петербургский университет как египтолог. Путешествовавший с ним в юности по Италии Н.П. Анциферов вспоминал о нем как о человеке, необычно эрудированном и обещавшем многое. Сперва Шмидт получил

⁵ Сообщено Д.П. Урсу.

кафедру в недавно открывшемся Пермском университете. Здесь, не оставляя исследований по древнему Востоку, он увлекся археологией Прикамья, начал раскопки памятников бронзового и железного века. В 1923 г. вынужден был вернуться в Петроград, стал сотрудником академического Музея антропологии и этнографии, занимался уже в основном финно-угорской тематикой, опубликовал ряд ценных работ. В 1929 г. при "чистке" Академии Наук был уволен. Руководивший "чисткой" Н.П. Фигатнер в конце концов смиловился и разрешил восстановить Шмидта на работе, но новый директор музея воспротивился. Шмидта взяли в ГАИМК при условии "полной перестройки своего научного мировоззрения". В качестве испытательной темы он написал статью "О развитии взглядов Карла Маркса на первобытное общество". Идеолог ГАИМК В.И. Равдоникас, уже в 1929 г. издававшийся над статьей Шмидта "Туйский всадник", (в известном докладе "За марксистскую историю материальной культуры") (Равдоникас В.И., 1930, с. 67-76), не был удовлетворен и этой перестройкой и всячески придирился к новому сочинению Шмидта. Последние статьи ученого написаны в том крайне социологизаторском духе, что был свойствен продукции ГАИМК 1931–1933 гг. Шмидт умер в возрасте 41 года.

Жизнь Шмидта сложилась вроде бы не так страшно, как у Теплоухова, Боровки, А.А. Миллера. И все же перед нами настоящая трагедия. А итог? Н.П. Анциферов счел возможным сказать в своих мемуарах, что, как все вундеркинды, Шмидт "более обещал, чем дал", а комментатор тут же напомнил о давно забытой статье про Маркса, скорее всего, вызвавшей отзыв Анциферова (Анциферов Н.П., 1992, с. 267, 437). Справедливо ли это? Работы Шмидта об Оленеостровском могильнике Баренцева моря, о курганах ст. Константиновской в Прикубанье, о стоянке Левшино в Прикамье, да и другие и сейчас широко используются в археологической литературе, что не часто бывает с публикациями 1920–1930-х гг. Маркса, надо думать, цитировал и сам Анциферов в своей диссертации об урбанизме в литературе.

Да Шмидт дал не все, что мог бы дать, но соизмерима ли его личная вина с виной эпохи, выпавшей на его долю, и тех, кто определял тогда судьбы ученых? Будем снисходительны и справедливы к людям 1920–1930-х гг.

После 1930–1933 гг. репрессии уже не прекращались. В связи с убийством С.М. Кирова в 1934 г. Ленинград очищали от классово чуждых людей, и ряд ученых был административно выслан из города. Среди них были нумизмат Алексей Алексеевич Быков (1896–1971)⁶ и сравнительно молодой археолог Борис Александрович Латынин (1899–1967), выдвинувшийся как один из организаторов работ ГАИМК на новостройках. Выслали их как дворян в Куйбышев, где они смогли некоторое время поработать в Музее. Быков в 1936 г. вернулся в Ленинград и Эрмитаж, а Латынин был вновь репрессирован.

Весной и летом 1936 г. при борьбе с троцкистами и зиновьевцами арестовали и людей, не имевших отношения к археологии, но внедренных в нее ВКПб в конце 1920-х – начале 1930-х гг., – исполняющего обязанности председателя ГАИМК Федора Васильевича Кипарисова (1896–1936) и бывшего товарища председателя ГАИМК, а в 1936 г. заведующего кафедрой истории первобытного общества ЛГУ Сергея Николаевича Быковского (1896–1936). Оба были расстреляны (Артизов А.Н., 1994, с. 34–48).

Затем репрессии распространились и на сотрудников Академии, с ними связанных, и на тех, кто уже подвергался аресту. Вместо Кипарисова исполняющим обязанности председателя ГАИМК назначили эпиграфиста и папиролога Отто Оскаровича Крюгера (1893–1967), но менее, чем через год, арестовали и его. После долгого пребывания в Казахстане он вернулся в Ленинград только в 1957 г. (Отто Оскарович Крюгер, 1967, с. 170, 171). 9 сентября 1936 г. был арестован и уже 19 декабря расстрелян Михаил Георгиевич Худяков (1894–1936). Он окончил Казанский университет и выступил в печати еще до революции. Был в первом наборе аспирантов ГАИМК.

⁶ Указано М.П. Сотниковой.

Опубликовал несколько полезных работ по археологии Прикамья, Поволжья и Приуралья, но в период перестройки ГАИМК порвал с традициями академической науки и стал выпускать погромные статьи в стиле Быковского-Равдоникаса (Усманов М.А., 1991, с. 7).

Пострадали и высланные из Ленинграда сотрудники ГАИМК. За связи с бывшими руководителями Академии был брошен в концлагерь высланный в Куйбышев Латынин. Вышел он из заключения в 1946 г. (Горбунова Н.Г., Качалова Н.К., 1990, с. 254). В Ташкенте арестовали и расстреляли высланного туда Ф.И. Шмита. Та же участь постигла в Петрозаводске Н.Н. Виноградова.

Жертвами репрессий стали и сотрудники Академии Наук СССР. В Музее антропологии и этнографии работал Василий Степанович Адрианов (1904–1936), начавший за несколько лет до ареста успешные исследования древностей Нижнего Приобья. 4 октября 1936 г. он был арестован, а 19 декабря расстрелян (Решетов А.М., 1997, с. 166). Арестовали и участника экспедиции Адрианова Тарасия Федоровича Гелаха. В 1944–1957 гг. он работал в Бухаре.

Сотрудником Института востоковедения АН СССР был монголист Владимир Александрович Казакевич (1896–1937) – автор книги "Намогильные статуи в Дариганте" (Л., 1930). Арестован и расстрелян в 1937 г. (Васильков Я.В. и др. 1990, с. 127).

В 1938 г. был арестован и расстрелян востоковед Евгений Робертович Шнейдер (1897–1938), начинавший свою работу в экспедициях С.А. Теплоухова и написавший серию статей о каменных изваяниях⁷.

Весьма чувствительно отразились репрессии 1937–1938 гг. на археологах провинции. 14 апреля 1937 г. был арестован директор Саратовского музея и профессор Саратовского университета Павел Сергеевич Рыков (1884–1942). 24 апреля 1938 г. он был приговорен к 10 годам заключения, 26 марта 1942 г. умер в концлагере под Владивостоком (Максимов Е.К., 1994, с. 3, 4). По словам А.Н. Липского (до ареста – сотрудника МАЭ АН СССР, после освобождения работавшего как археолог в Абаканском музее), он скончался на его руках, отравившись свекольными очистками, выброшенными на свалку из столовой охраны.

С арестом Рыкова связаны и репрессии, обрушившиеся на головы его учеников Николая Константиновича Арзютова (1899–1942) и Татьяны Максимовны Минаевой (1896–1975). Арзютов был арестован в 1938 г., осужден в 1939 г. на 10 лет заключения и умер в концлагере в Красноярском крае (Максимов Е.К., 1994, с. 4, 5). Минаева до 1939 г. отбывала ссылку в г. Соль-Илецк, где преподавала в школе, затем смогла найти себе работу в Ставропольском музее (Найденко А.В., 1976, с. 328).

Среди жертв 1937 г. краснодарский археолог, исследователь кубанских дольменов и городищ Николай Алексеевич Захаров (1883–1938). Арестованный в июле 1937 г. он был приговорен к высшей мере наказания 15 февраля 1938 г. и 4 марта расстрелян. Эти данные получила из управления ФСК по Краснодарскому краю Л.А. Хачатурова. Н.В. Анфимов говорил ей, что Захаров подвергался аресту и раньше.

В Крыму в эти годы были арестован и расстрелян директор Бахчисарайского музея Абдрефи Усейн Боданинский (1878–1938, публикации 1925–1935 гг.) и профессор Симферопольского пединститута Николай Львович Эрнст (1889–1959) – исследователь палеолитической стоянки Чокурча, Неаполя Скифского и других памятников. Он окончил Берлинский университет, встречался с немецкими учеными, приезжавшими в 1929 г. смотреть Эски-кермен, и давно был под надзором. Эрнст был на лесоповале с 1938 до 1948 гг. Потом его освободили, но вскоре вновь арестовали. После 5 лет, проведенных в концлагере, он жил и умер в г. Прокопьевске Кемеровской обл. (Храпунов И.М., 1994, с. 120).

В 1937 г. оборвалась жизнь Б.Э. Петри. Швед по национальности, уроженец Швейцарии с родным немецким языком, проведенный детство в Италии, всегда казался по-

⁷ Сообщено В.М. Алпатовым.

дозрительным чекистам и был обречен. Сибирские археологи смогли познакомиться со следственным делом Петри. На допросах он держался очень достойно и, признав себя шпионом, сказал, что завербовал его академик В.В. Радлов, умерший в 1918 г., но никого другого не назвал. 25 ноября 1937 г. Петри был расстрелян (Пархоменко С.Н., 1992, с. 25-27). В 1935 г. был арестован, отправлен на Беломорканал и в 1937 г. расстрелян музейный работник из Свердловска, автор книги "Прошлое Урала" Александр Александрович Берс (1902–1937) (Александр Александрович Берс, 1994, с. 4).

Если с террором 1930 г. было связано самоубийство П.Д. Рау, то террор конца 1930-х гг. вызвал самоубийство Дмитрия Демьяновича Букинича (1882–1939) – соавтора Н.И. Вавилова по книге "Земледельческий Афганистан", первооткрывателя анауского поселения Ак-тепе, создателя принятой и сейчас схемы истории ирригации в Средней Азии (Вавилов Н.И., 1939, с. 758, 759).

Начало Отечественной войны было ознаменовано новыми репрессиями. В 1941–1942 гг. в Ленинграде были арестованы сотрудники ИИМК нумизмат Николай Павлович Бауер (1888–1942) и исследователь Средней Азии Георгий Васильевич Григорьев (1898–1942). Им ставилось в вину распространение панических слухов. Больше их никто никогда не видел. На Григорьева донес, по-видимому, Е.Ю. Кричевский (Формозов А.А., 1993, с. 209, 210). Бауер был расстрелян, что выяснилось в 1989 г. (Гурулева В.В., 1994, с. 123–126).

В Москве был репрессирован известный специалист по первобытной археологии Отто Николаевич Бадер (1903–1979). Он был бойцом народного ополчения. После заключения во Владимирской тюрьме в 1944 г. был выслан в Нижний Тагил, где работал в музее. В 1946 г. смог перебраться в Пермь и до 1955 г. был доцентом Пермского университета. Затем вернулся в Москву.

Из г. Ханлара (Еленендорф) был выслан директор местного музея и сотрудник Азербайджанского филиала АН СССР исследователь курганов бронзового века Яков Иванович Гуммель (1893–1946). Он жил, работая учителем, и умер в с. Новый Колутан Акмолинской обл. Казахской ССР (Пиотровский Б.Б., 1992, с. 12).

Особенно трагично сложилась судьба директора музея в Малом Ярославле Константина Яковлевича Виноградова (1884–1942) и упоминавшегося выше Н.И. Савина. Виноградов учился до революции в Казани, много сделал для исследования археологических памятников Подмосковья в 1920-х гг., открыл здесь фатьяновские могильники. Был повешен за сотрудничество с немецкими оккупантами. По словам дальнего родственника Савина М.М. Успенского, тот также был повешен партизанами. Не знаю, соответствовали эти приговоры вине осужденных. Нужны более точные данные.

После освобождения территорий, временно захваченных немецкими оккупантами, жертвами репрессий стали сотрудники музеев, оставшиеся за линией фронта, чтобы сохранить коллекции, которые не успели эвакуировать, и не дать вывезти эти коллекции в Германию. Как коллаборационисты были осуждены сотрудник Херсонесского музея Александр Кузьмич Тахтай (1890–1973) (Граб В.И., Супруненко О.Б., 1991, с. 47-53) и сотрудник Симферопольского музея Александр Иванович Полканов (1884–1971) (Бибиков С.Н., 1981, с. 125, 126). К счастью, оба дожили до реабилитации и смогли еще некоторое время заниматься любимым делом. С опозданием, уже в 1951 г. был арестован в Ленинграде бывший директор Трубчевского музея в Брянской обл. Всеволод Протасьевич Левенок (1906–1986). В 1955 г. он был освобожден, принят на работу в ИИМК, но до конца дней не реабилитирован.

Подведем итоги. Террор сопутствовал большей части истории советской археологии. Легенда о 1937 г. как о пике репрессий не подтверждается. Наиболее страшными для археологов были 1930–1934 гг. – те самые годы, которые В.Ф. Генинг (1982) изображал как вершину в развитии нашей науки.

Сперва репрессии еще не очень жестоки. В музеях работают репрессированные И.А. и Н.Н. Виноградовы, М.П. Грязнов. Выходят книги и статьи людей, находящихся-

ся в заключении (Ю.В. Готье, А.А. Миллер, Г.А. Бонч-Осмоловский, А.А. Захаров, С.И. Руденко, М.П. Грязнов). Затем режим ужесточается. Люди исчезают без следа (В.С. Адрианов, В.А. Казакевич, Н.П. Бауер, Г.В. Григорьев). Среди археологов расстреляно не менее 10 человек. Жертвами репрессий были и открытые враги советской власти (А.В. Адрианов) и люди, служившие ей изо всех сил (М.Г. Худяков, П.С. Рыков), а в основном те, кто просто занимался своим делом, сторонясь политики. Нет данных о каком-либо явном противодействии правительственному курсу, хотя бы о чем-то вроде мужественной позиции Н.Е. Макаренко, отстаивавшего от уничтожения Софийский собор и Михайловский златоверхий монастырь в Киеве. Есть лишь упоминания о сокрытии музейными сотрудниками церковных ценностей, подлежавших изъятию (Трубачева М.С., 1981, с. 152-165).

Но пассивное сопротивление было. В следственном деле В.И. Смирнова содержатся такие показания: "...на раскопках собирались черепки... и др. предметы обихода настолько в большом количестве, что они музею не были, пожалуй, нужны" (Сизинцева Л.И., 1992, с. 274). Такие коллекции с высоких трибун называли "хламом". Но сотрудники музеев продолжали пополнять фонд археологическими материалами. Ученые упорно занимались темами, объявленными ненужными для советского государства.

Целью репрессий было насаждение страха в обществе. Цель была достигнута, но не до конца. Люди оставались людьми и по мере возможности делали свое дело. Репрессированным старались помочь. Так, в Московском университете в конце войны защитили докторские диссертации вернувшиеся из заключения К.Э. Гриневич по старой работе "Стены Херсонеса Таврического" и А.С. Башкиров по весьма спорному исследованию об антисейсизме древней архитектуры. Без помощи В.А. Городцова, А.В. Арциховского, Б.Н. Гракова, В.Д. Блаватского это не было бы возможно (Арциховский А.В., 1945, с. 40). С.В. Киселев помог М.П. Грязнову за один 1945 г. защитить и кандидатскую и докторскую диссертации.

В заключение повторю: список репрессированных неполный. Я мог бы расширить его за счет историков искусства (А.И. Анисимов, П.Д. Барановский, Г.К. Вагнер, А.С. Стрелков, Л.А. Дурново, А.И. Некрасов, Ю.А. Олсульфев, Н.П. Сычев), геологов-четвертичников, занимавшихся палеолитом (Г.Ф. Мирчинк, И.А. Лепикаш) и т.д. Можно назвать ряд археологов, побывавших в заключении, но сравнительно быстро выпущенных. Это В.Д. Блаватский, Б.Е. Деген-Ковалевский, С.Н. Замятин, А.А. Иессен, А.П. Круглов, Б.В. Лунин, Б.Б. Пиотровский, Г.В. Подгаецкий, В.И. Равдоникас. Когда они возвращались домой, окружающие говорили, что они "отделались легким испугом", но травма в душе оставалась на всю жизнь. Несмотря на неполноту данных, картина, как мне кажется, в целом ясна. Буду благодарен за уточнения, исправления и дополнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Академическое дело 1929—1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. 1993. СПб., Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова (вступ. ст. Б.В. Ананьича, В.М. Панеяха и А.Н. Цамутали).
- Александр Александрович Берс.* 1994 // Берсовские чтения II. Екатеринбург.
- Акинъшин А.Н.,* 1992. Трагедия краеведов (по следам архива КГБ) // Записки краеведов. Русская провинция. Воронеж.
- Анциферов Н.П.,* 1992. Из дум о былом. СПб.
- Артизов А.Н.,* 1994. Судьба историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // ВИ. №7.
- Архипов Н.Д.,* 1986. Археологические исследования Б.Э. Петри в Прибайкалье // СА. № 2.
- Арциховский А.В.,* 1945. Хроника ученого совета // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. Вып. 2.
- Асафова Н.М.,* 1941. Юрий Владимирович Готье. М.

- Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М., 1994. "Дело славистов". 30-е гг. М.
- Бадер О.Н., 1968. Памяти Бориса Сергеевича Жукова // СА. № 4.
- Бибиков С.Н., 1981. Александр Иванович Полканов // Полканов А.И., Полканов Ю.А. Судак. Симферополь.
- Бломквист Е., Каменева М., Фалеева В., 1949. Л.А. Линцес // СЭ. № 1.
- Борисковский П.И., 1935. Исторические предпосылки оформления так называемого Ното sariens // ПИДО. № 1-2.
- Бочков В.Н., 1974. Подвижки Костромского краеведения // Второе свидание. Глазами краеведов. Ярославль.
- Вавилов Н.И., 1939. Дмитрий Демьянович Букинич // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва (ВГО). № 5.
- Васильков Я.В., Гришина А.М., Перченко Ф.Ф., 1990. Репрессированное востоковедение // Народы Азии и Африки. № 5.
- Гайдуков П.Г., 1994. 1932 г. – начало планомерного археологического изучения Новгорода // Новгородские археологические чтения. Новгород.
- Генинг В.Ф., 1982. Очерки по истории советской археологии. Киев.
- Горбунова Н.Г., Качалова Н.К., 1990. Памяти Бориса Александровича Латынина // СА. № 1.
- Граб В.И., Супруненко О.Б., 1991. Археолог Александр Тахтай. Полтава.
- Гурулева В.В., 1994. Н.П. Бауер и его вклад в византийскую нумизматику // Византия и Ближний Восток. СПб.
- Джапаридзе О.М., 1993. К 100-летию со дня рождения академика Б.А. Куфтина // РА. № 3.
- Жук А.В., 1995. Исследование Ляпинской крепости А.Ф. Палашенковым // Археология Сибири: историография. Ч. II. Омск.
- Жуков Ю.Н., 1993. Операция "Эрмитаж". М.
- Зайцев Н.А., 1992. О пребывании М.П. Грязнова в Кирове в 1934-1937 гг. // Северная Азия от древности до средневековья. Л.
- Зуев В.Ю., 1995. Материалы к биографии Г.И. Боровки // Санкт-Петербург и отечественная археология. СПб.
- Иессен А.А., 1947. Мстислав Владимирович Фармаковский // КСИИМК. Вып. XVI.
- Ильин М.А., 1970. Пути и поиски историка искусств. М.
- Илья Николаевич Бороздин. Библиография, 1959. Воронеж.
- Кавешникова Е.А., 1992. Историография археологии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск.
- Китицина Л.С., Третьяков П.Н., 1968. Памяти Василия Ивановича Смирнова // СА. № 4.
- Классовый враг на историческом фронте, 1931. М.; Л.
- Кривевский Е.Ю., 1935. Памяти А.В. Шмидта // СЭ. № 3.
- Крюков В.М., 1994. Мир рушится (Из дневника А.В. Адрианова. 1919 г.) // Сибирская старина. № 6.
- Кузина Г.А., 1991. Государственная политика в области музейного дела в 1917-1941 гг. // Музей и власть. Ч. 1. М.
- Куманев В.А., 1991. 30-е гг. в судьбах отечественной интеллигенции. М.
- Куришанак И., 1931. Как разрабатывают буржуазные историки идеологию диверсии // Историк-марксист. Т. 21.
- К 100-летию со дня рождения А.И. Маркевича, 1965 // ВДИ. № 4.
- Лунин Б.В., 1933. Смолин Виктор Федорович // Советское краеведение на Северном Кавказе. Ч. 2. Ростов-на-Дону.
- Максимов Е.К., 1994. Неизвестное в биографиях П.С. Рыкова и Н.К. Арзютова // Срубная культурно-историческая область. Саратов.
- Мальшеев А.А., Семенова И.В., 1991. Вклад музея г. Покровска в изучение древностей Нижнего Поволжья // Очерки истории русской и советской археологии. М.
- Массон В.М., 1965. К 80-летию Сергея Ивановича Руденко // СА. № 4.
- Матющенко В.И., 1994. Сибирская археология в 1940-1950-е гг. Омск.
- Мельник А.Н., 1994. Материалы личного фонда С.Д. Яхонтова // Археографический ежегодник за 1991 г. М.
- Миллер М.А., 1954. Археология в СССР. Мюнхен.
- Милюков П.Н., 1991. Россия на переломе // Русское зарубежье. Антология. Т. II. М.
- Москаленко А.Н., 1960. Илья Николаевич Бороздин // СА. № 2.
- Москаленко А.Н., 1963. Памяти И.Н. Бороздина // Вопросы истории славян. Вып. 1. Воронеж.

- Найденко А.В., 1976.* Старейший археолог Северного Кавказа // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 14: Наука и научные работники СССР, 1928. Ч. VI. Л.
- Нечкина М.В., 1993.* О причинах отставания России // Исторический архив. № 3.
- Отто Оскарович Крюгер, 1967* // ВДИ. № 3.
- Пархоменко С.Н., 1992.* Архивно-следственное дело Б.Э. Петри // П.А. Кропоткин, гуманист, ученый, революционер. Чита.
- Пиотровский Б.Б., 1992.* Дополнение к статье Я.И. Гуммеля // ВДИ. № 4.
- Равдоникас В.И., 1930.* За марксистскую историю материальной культуры // ИГАИМК. Т. VIII. Вып. 3-4.
- Решетов А.М., 1997.* Коллекции В.С. Адрианова в Музее антропологии и этнографии // Развитие культуры в каменном веке. СПб.
- Русаков Я.С., Насимович А.А., 1972.* Петр Борисович Юргенсон // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. биолог. № 2.
- Самойлов Л., 1993.* Перевернутый мир. СПб.
- Седельников В.О., 1991.* ЧК и архивы // Звенья. Т. I.
- Семенов-Зусер С.А., 1947.* Скифская проблема в отечественной науке. Харьков.
- Сизинцева Л.И., 1992.* Василий Иванович Смирнов // Отечество. Вып. 3.
- Сизинцева Л.И., 1994.* Материалы о разгроме Костромского краеведения в 1920-1931 гг. // Археографический ежегодник за 1991 г.
- Сизинцева Л.И., 1996.* Николай Николаевич Виноградов // Русское подвижничество. М. Советская археологическая литература 1918–1940 гг., 1965. М.; Л.
- Список научных трудов Сергея Константиновича Богоявленского, 1974 // Археографический ежегодник за 1972 г.
- Тревер К.В., 1932.* Олень с тоской во взоре и меланхолическая свинья // Сообщения ГАИМК. № 1-2.
- Трубанева М.С., 1981.* Комиссия по охране памятников истории искусства Троице-Сергиевой лавры 1918-1925 гг. // Музей. №5.
- Труды I Всероссийского музейного съезда, 1931. Т. 1. М.
- Усманов М.А., 1991.* О Михаиле Худякове и его книге // Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.
- Филимонов С.Б., 1990.* М.И. Смирнов – переяславский собиратель земли // Отечество. Вып. 1.
- Формозов А.А., 1993.* Первым бросивший камень // Aequinox МСМХСIII. М.
- Урсу Д.П.* Осман Акчокраклы // Голос Крыма, 15 марта 1995 г. № 11.
- Храпунов И.М., 1993.* Микола Львович Ернст // Археологія. № 4.
- Чистотинова С.Л., 1994.* Федор Иванович Шмит. М.
- Янин В.Л., 1965.* К 60-летию Ивана Георгиевича Спасского // Нумизматика и эпиграфика. V.
- Tallgren A.M., 1936.* *Archaeological studies in Soviet Russia* // *Eurasia septentrionalis antiqua*. X..

Институт археологии РАН,
Москва